

УДК 323.22/28

ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖСЕКТОРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С. А. Панкратов, С. Д. Гаврилов

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, pankratov@volsu.ru

Гаврилов Сергей Дмитриевич, ассистент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, gavrilov_sd@volsu.ru

В статье анализируются практики осуществления межсекторного взаимодействия в публичном пространстве в Волгоградской области. Уточнены условия и факторы, обуславливающие реализуемые коммуникационные стратегии институтов в современном региональном пространстве публичной политики. Предлагаются стратегии политического развития Волгоградской области, основанные на признании интеграции как наиболее современной и результативной формы коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: публичная политика, институт, межсекторное взаимодействие, Волгоградская область.

Integration of Public Policy Institutions in Volgograd Region: Practices of Implementation of Intersector Interaction

S. A. Pankratov, S. D. Gavrilov

Sergey A. Pankratov, ORCID 0000-0002-4802-9203, Volgograd State University, 100, Universitetsky Prosp., Volgograd, 400062, Russia, pankratov@volsu.ru

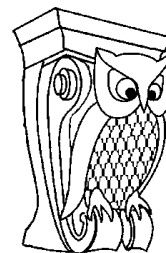
Sergey D. Gavrilov, ORCID 0000-0002-9098-8301, Volgograd State University, 100, Universitetsky Prosp., Volgograd, 400062, Russia, gavrilov_sd@volsu.ru

The article analyzes practices of the intersectoral interaction in the public space in the Volgograd region. Conditions and factors, that determine the communication strategies used by institutions in the modern regional space of public policy, are specified. Strategies of political development of the Volgograd region, based on integration as the most modern and effective form of communication, are proposed.

Key words: public policy, institute, intersectoral interaction, Volgograd region.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-76-81

Публичное пространство в Волгоградской области обусловлено взаимодействием между акторами политического процесса, неформальными правилами и механизмами по поводу достижения общественно-политического консенсуса, согласия и определения стратегии политического развития. Вместе с тем новые условия и перспективы для реализации современных де-

мократических принципов, обеспечивающих эффективное представление публичных интересов и влияние различных гражданских организаций на процесс формирования публичной политики, определяют необходимость взаимодействия политических институтов, имеющих разную направленность, функционал и полномочия, для достижения единых целей в рамках единых «правил игры». Отметим, что выработка «повестки дня» является прерогативой не только и не столько административной (исполнительной), но и законодательной власти. Особое внимание в данном аспекте следует уделить субъект-объектному составу институтов публичной политики Волгоградской области, степени их вовлеченности в процесс принятия государственных и/или политических решений в регионе, а также возможности интеграции, согласованности действий. Проблемный характер механизмов и практик взаимодействия субъектов публичной политики, обусловленный индивидуальными интересами в реализуемой деятельности, актуализирует необходимость политического анализа реальной и потенциальной способности политических институтов к объединению в контексте участия в процессе принятия решений в Волгоградской области.

Для дальнейшего анализа указанной проблемы необходимо операционализировать понятие «публичная политика». Так, А. Ю. Сунгуров предлагает интерпретировать концепт «публичная политика» через понятие «policy», а не «politics». Такое трактование позволяет понимать под публичной политикой «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп (страт) общества через их представителей»¹. Однако фокусируясь на характере содержания публичной политики, на наш взгляд, теряется субъектный состав институционального взаимодействия. В данном случае нам представляется возможным также оперировать определением публичной политики, которое предложил В. А. Михеев. С его позиции, публичная политика – «деятельность, характеризующаяся системным взаимодействием государства, частного сектора, институтов гражданского общества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов,

производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа или населения определенных территорий»². Отметим, что в рамках публичной политики представительные органы власти (например региональный парламент) и иные акторы политического процесса (органы исполнительной власти, институты гражданского общества и др.) формируют «повестку дня» посредством выработки политических стратегий.

Вместе с тем в современной политической науке сложилось несколько традиций анализа пространства публичной политики России. Первая традиция исходит из закрытости процесса принятия решений и, как следствие, имитационности публичности. Так, А. А. Рябов апеллирует к стремлению отечественной политической системы к «неформальным» центрам принятия решений, что, в свою очередь, приводит к отторжению публичности принятия решений. «Вопреки конституционным институтам власти – парламенту, правительству, которые в разной степени должны быть “открытыми”, решения принимаются в неформальных, непубличных, “тайных” центрах власти»³. Сходной позиции на современный политический процесс в России придерживается Л. И. Никонова. С ее точки зрения, функциональность публичного пространства обусловлена лишь фрагментарным (периферийным) участием отдельных субъектов гражданского сектора в политическом процессе, который представляет собой «особую конфигурацию административно-централизованных методов управления полем политики и спорадической самоактивизации остаточных элементов публичного дискурса»⁴. Иными словами, сфера публичной политики представляет собой конкретное политическое пространство, где субъекты власти и непубличный сектор находятся в состоянии противоборства за процесс принятия политических решений.

В свою очередь, вторая традиция обусловлена консенсусными взаимоотношениями между институтами публичной политики, обусловленными конкуренцией в процессе достижения общественных благ. Так, несмотря на дихотомическое положение власти и гражданского общества, подчеркивается единоначалие в их целеполагании. Вместе с тем, как подчеркивает Т. А. Мордасова, сложность взаимодействия различных институтов публичной политики заключается в отсутствии дублирования функционала в контексте реализации общих задач: институты гражданского общества в процессе конкуренции с государством в разработке политических идей, программ и проектов общественного благоустройства и т. п. не должны претендовать на прерогативы государства⁵. Указанная дифференциация полномочий необходима, с нашей точки зрения, для минимизации политических рисков и предупреждения политических конфликтов,

которые могут возникать в условиях отсутствия четкого определения функций в деятельности.

Особую важность публичная политика имеет в региональном политическом процессе, где выступает не только как поле для конкуренции, но и в качестве особого институционального пространства для взаимодействия по поводу оформления политического курса в регионе, его соответствия общефедеральным тенденциям и специфическим особенностям в локальном контексте. Таким образом, в системе предупреждения политических конфликтов на региональном уровне, находящейся в процессе модернизации, особенно важны механизмы прямой и обратной связи между обществом и государством, которые в своей совокупности и представляют сферу публичной политики. Более того, критерием публичности принятия решений выступает не только количество институтов, принимающих участие в реализации политического курса, но и возможность их интеграции в условиях реализации собственных интересов.

Слово «интеграция» происходит от латинского *integratio*, что значит «воссоединение». В гуманитарном знании принято считать, что интеграция – это создание новой, масштабной единицы или общности из нескольких частей. Такое новое целое приобретает признаки единого организма, функционирующего автономно. В отечественной политологии чаще всего акцент ставится на межгосударственную составляющую интеграции, а именно на «объединение усилий нескольких регионов с целью сотрудничества в какой-либо из сфер жизни, в результате которого возникает самостоятельная сфера, обладающая признаками целого»⁶. Однако, с нашей точки зрения, необходимо сместить фокус исследования к более локальным проявлениям интеграции, свойственным конкретным политическим институтам в пространстве публичной политики. Более того, в указанном отношении стоит полагать, что интеграцию часто рассматривают с трех разных сторон: как процесс, результат или процесс, приводящий к определенному конечному результату. Иными словами, процесс объединения функционала различных политических акторов с целью достижения результата конкретной политической и/или административной деятельности в публичном пространстве представляет собой интеграцию институтов публичной политики.

Региональное пространство публичной политики в Волгоградской области обусловлено совокупностью факторов, определяющих структурные и функциональные параметры институционального взаимодействия. Во-первых, регион с исторической точки зрения имел стратегическое положение: имперский период – «торговый перекресток», аграрный район, оплот казачества; советский период – промышленный центр, железнодорожный узел, сельскохозяй-

ственная житница⁷. Во-вторых, регион имел повышенное внимание государственной власти и в свою очередь обеспечивал «великие стройки» (ВГТЗ, ВДСК им. В. И. Ленина, завод «Красный Октябрь», Волжская ГЭС и др.) человеческим капиталом. Отсюда – высокий уровень притока населения, миграции. В-третьих, полиэтничность и многоконфессиональность региона обуславливала, с одной стороны, конфликтность в политической сфере, с другой – единение в плане межнационального взаимодействия.

Таким образом, социально-политические изменения в Волгоградском регионе от своего зарождения до краха советской системы сопровождались централизацией политической системы в регионе. Это было обусловлено четкой системой развития региона как промышленного края. При этом существовала разобщенность политической элиты относительно способов осуществления этих трансформаций, которые не выходили за рамки общепризнанного централизованного плана. Иными словами, несмотря на доминирующее положение центра по отношению к региону, в сфере управления сохранялось политическое разнообразие среди формальных региональных институтов, что и дало возможность развития конкурентной среды в партийной системе региона в послесоветский период⁸. В указанном контексте примечательно, что в условиях политики централизации региональных политических режимов в РФ Волгоградская область представляет собой территорию с нетипичной формой входа на политический рынок новым акторам. Так, по мнению Ю. О. Гайворонского, для Волгоградского региона характерно «заключение партикулярных неформальных контрактов, что с точки зрения экономического подхода является стратегией с повышенными издержками»⁹. Таким образом, реализация регионального политического курса в публичном пространстве обусловлена коммуникационными стратегиями политических институтов, направленными на интеграцию деятельности с применением формальных и неформальных практик взаимодействия по поводу достижения конечного результата.

Опираясь на тезис о возможности принятия политических и государственных решений в Волгоградской области, очевидно, что в институциональном измерении публичного пространства необходимо выделить сектора – центры принятия решений, вокруг которых консолидируются политические акторы. С точки зрения обладания правом законодательной инициативы представляется возможным определить три сектора: формальные властные организации (законодательная и исполнительная власти); надзорная власть; некоммерческий и неполитический сектор (в том числе и местное самоуправление). Уместно сказать, что за последние семь лет таковыми субъектами были: региональный парла-

мент, губернатор, Правительство (Администрация) Волгоградской области, представительные органы муниципальных образований, прокурор Волгоградской области, контрольно-счетная палата, Управление Минюста, избирательная комиссия, омбудсмены по правам человека и ребенка, молодежный парламент, Общественная палата Волгоградской области и т. д. Очевидно, что при равных возможностях внесения законодательских инициатив региональный парламент и губернатор являются лидерами по количеству внесенных и рассмотренных законопроектов. Причем за данный период каждый из этих субъектов внес по 577/551 законопроект соответственно, а, например, избирательная комиссия Волгоградской области (занимающая третье место по количеству внесенных и принятых Думой законопроектов) имеет в своей копилке не более 50 законопроектов¹⁰. Вместе с тем отчетливо виден отрыв губернатора и областной думы от остальных институтов. Такая тенденция, с одной стороны, показывает интенсивность политической активности главы региона и областных депутатов, а с другой – указывает на закрытость, консервацию региональной системы управления. При этом количественный состав институтов политического режима Волгоградской области довольно широкий и включает в себя не только органы законодательной и исполнительной власти, но и надзорные органы (суды, прокуратура, контрольно-счетная палата), институт омбудсмена (по правам человека и ребенка), представителей гражданского общества и МСУ, а также молодежный парламент. Однако при использовании такого подхода к анализу институциональной организации теряются непарламентские политические партии и элиты, которые не наделены правом принимать государственные решения посредством процедуры законотворчества.

Сложившаяся ситуация с доминированием одних институтов и почти полной безучастностью других в процессе принятия решений проецирует противоречия в контексте выстраивания единых целей реализации политического курса. Как справедливо отмечают С. И. Морозов и Т. В. Порошина, «многочисленные противоречия внутри региональной политической элиты, динамично меняющаяся кадровая политика как внутри административного управленческого аппарата Волгоградской области, так и на уровне высшего руководства (губернаторов и их заместителей) неоднозначно сказываются на качестве политико-коммуникативного взаимодействия административных структур, элитных групп и населения региона»¹¹. Более того, указанные трудности подчеркивают необходимость переориентации политического курса в сторону воспроизводства новых форм коммуникации. С позиции А. Э. Калининой и Ю. В. Задорожной, «для перехода региона с инерционного на инновационный сценарий социально-экономи-

ческого развития необходимо в первую очередь совершенствование сферы управления, а также формирование и развитие транзакционной подсистемы, включающей организационную, информационную и институциональную составляющие социально-экономической политики»¹².

Тем не менее, реализация межсекторного взаимодействия в публичном пространстве Волгоградской области сопряжена не только с необходимостью преодоления рисков конкурентной среды, но и с упрочением позитивных практик интеграции. Причем последнее декларируется руководством региона как основная задача институтов публичной политики. Так, губернатор Волгоградской области А. И. Бочаров 23 ноября 2017 г. в ежегодном отчете о результатах деятельности Администрации Волгоградской области подчеркнул, что «выполнение сейчас и в будущем таких серьезных объемов разноплановых работ, в сжатые сроки, с ограниченными ресурсами, в непростых экономических условиях, возможно только вместе, в единой команде, когда мы опираемся на поддержку жителей. Такой объем задач можно выполнить, когда есть всесторонняя поддержка руководства страны и лично Президента России»¹³. Иными словами, губернатором обозначена интеграционная стратегия институционального взаимодействия, успешно реализующаяся в регионе посредством консолидации усилий с опорой на федеральную власть.

Справедливо отметить, что обозначенный губернатором итог имеет под собой конкретные практики реализации межсекторного взаимодействия. Целесообразно классифицировать их на три группы: формальные использующиеся (обозначенные в нормативно-правовом поле); неформальные использующиеся (не имеющие законодательного закрепления); перспективные (предполагающиеся к реализации, но не использующиеся в конкретный период). Такой подход к анализу интеграционных процессов в Волгоградской области, с нашей точки зрения, позволит последовательно указать существующие закономерности коммуникативного взаимодействия, а также сформировать предложения по минимизации рисков применения тех или иных стратегий.

Первую группу представляет реализация взаимодействия институтов публичной политики для достижения целей государственной политики посредством декларирования в нормативно-правовых актах. В указанном контексте наиболее показательным примером может стать политика стратегического планирования в Волгоградской области и г. Волгограде. Так, согласно Распоряжению губернатора Волгоградской области № 159-р от 29.12.2014 г. «Об утверждении плана подготовки и корректировки документов стратегического планирования Волгоградской области», предусматривается комплекс мероприятий, направленных на выработку единой

политики в области социально-экономического и иного развития в Волгоградской области. Более того, в Законе Волгоградской области от 24.12.2015 № 247-ОД «О стратегическом планировании в Волгоградской области» обозначен механизм институционального взаимодействия посредством реализации деятельности общественных обсуждений (ст. 8). В практической плоскости данный механизм был реализован целым рядом общественных дискуссий. Наиболее масштабные из них: форсайт-сессия, на которой представители научного сообщества, бизнесмены, общественники, власти города и области представили образ региона в будущем¹⁴; серия конференций, проходивших в 2016 г. в Волгоградском государственном университете, на тему «Вопросы методологии целеполагания и системы индикаторов, механизмов реализации и мониторинга, информационного обеспечения и сопровождения Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 г.»¹⁵. Более того, принятая Стратегия социально-экономического развития Волгограда до 2030 года декларирует, что «в качестве инструмента реализации стратегии целесообразно также использовать соглашения и договоры, позволяющие привлекать внешние ресурсы и согласованно активизировать совместные стратегические действия с Администрацией Волгоградской области, российскими и зарубежными городами, международными организациями»¹⁶. Однако формальные практики взаимодействия различных институтов публичной политики не опосредованы только лишь стратегическим планированием в Волгоградской области, но и имеют систематический характер, обусловленный взаимодействием секторов формальных властных организаций и гражданским обществом. Так, например, принятие «Социального кодекса Волгоградской области» сопровождалось как позитивными откликами (преимущественно со стороны органов государственной власти региона), так и негативными позициями со стороны общественников. Вместе с тем, признавая необходимость упорядочения сферы социального регулирования, между заинтересованными сторонами было достигнуто согласие и документ был принят Волгоградской областной думой, а впоследствии корректировался по запросу институтов гражданского общества¹⁷.

Вторую группу практик межсекторного взаимодействия образуют коммуникации между институтами, которые прямо не закреплены в юридическом поле. Актуальным в данном аспекте является совместная работа Избирательной комиссии Волгоградской области и Общественной палаты по поводу перехода региона в другой часовой пояс. Общественная палата Волгоградской области предложила провести референдум, губернатор Андрей Бочаров эту инициативу поддержал, а Избирательная комиссия занима-

ется техническим сопровождением¹⁸. Важным является тот факт, что региональные парламентарии неоднократно пытались обсудить эту инициативу, но не могли прийти к единой позиции, что привело данную дискуссию на уровень межсекторного взаимодействия. К указанной группе практик межсекторного взаимодействия также можно отнести участие предпринимателей в реализации целей и задач политического курса региона. Так, например, «финансовое обеспечение экологической деятельности как итог взаимодействия органов власти и институтов МСУ, а также иных акторов регионального политического процесса характеризуется: во-первых, инвестициями в основной капитал, направленными на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов; во-вторых, капитализацией государственных программ, направленных на поддержание экологической стабильности и недопущение катастроф. Привлечение частного капитала в Волгоградской области сопряжено с нестабильностью в инвестиционном климате региона»¹⁹.

Третья группа практик, обозначенная нами как перспективные, представляет собой формы взаимодействия институтов публичной политики, которые не используются (либо не в полной мере реализуются) в политическом пространстве Волгоградской области. Среди таких форм следует выделить краудсорсинг – «технология создания пространства делегированных обязательств, где желающим передается право предложить решение конкретной задачи, доверяется предоставить варианты рационального подхода к той и иной проблеме, будь то проблема бизнеса, общества или власти»²⁰. Безусловно, к указанной форме можно было бы отнести взаимодействие различных институтов по поводу подготовки к Чемпионату мира по футболу FIFA 2018, однако вся деятельность по подготовке координируется специально созданным органом власти в регионе – Комитетом по подготовке и проведению матчей Чемпионата мира по футболу 2018 года Волгоградской области. К тому же подготовка основывается не на сетевом, а координационном принципе, что определено в Постановлении губернатора Волгоградской области от 25 марта 2014 г. № 257 «Об утверждении Положения о комитете по подготовке и проведению матчей чемпионата мира по футболу 2018 года Волгоградской области»²¹.

Таким образом, интеграционное институциональное взаимодействие в публичном пространстве Волгоградской области обусловлено целым рядом факторов: во-первых, преимущественным положением региональных органов власти в формировании стратегического политического курса по отношению к другим институтам публичной политики; во-вторых, фрагментарностью, отсутствием полной систематизации целей и задач коммуникативного взаимодействия вслед-

ствие пробела в нормативном регулировании стратегии социально-экономического развития Волгоградской области на региональном уровне (примечательно, что для г. Волгограда такая концепция уже принята); в-третьих, преобладанием традиционных форм взаимодействия институтов в публичном пространстве (общественные слушания и мониторинг). Указанные факторы определяют необходимость формирования инновационного подхода к реализации стратегии политического развития Волгоградской области, должны быть основаны на признании интеграции как наиболее современной и результативной формы коммуникативного взаимодействия, предполагающей:

– разработку единых «правил игры» в контексте принятия Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 года с учетом интересов всех субъектов межсекторного взаимодействия;

– привлечение большего количества неполитических организаций, обладающих ресурсами для минимизации рисков реализации государственной власти в регионе;

– использование сетевых технологий для определения пространства «делегированных обязательств» с целью реализации эффективного политического проектного менеджмента, где главным ресурсом становится обладание человеческим капиталом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области (проект № 17-13-34039).

Примечания

- 1 Отчет о Заседании межрегионального семинара по проблемам публичной политики (Санкт-Петербург, 21 октября 2003 г.). URL: <http://rapn.ru/?doc=94&grup=69> (дата обращения: 18.11.2017).
- 2 Михеев В. А. Социальное партнерство и пути совершенствования публичной политики // Власть. 2005. № 7. С. 14.
- 3 Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол) // Полис. 2000. № 10. С. 89.
- 4 Курюкин А. Н. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: российские проблемы (материалы круглого стола) // Власть. 2011. № 2. С. 168–169.
- 5 См.: Мордасова Т. А. Общественное участие в политическом управлении: институциональная среда и оценка эффективности / под общ. ред. Е. В. Морозовой. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2011.
- 6 Побединский И. М. Концептуальные основы интеграционных процессов // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 86. С. 33.
- 7 См.: Атопов В. И., Масляев В. Е., Лилявкин А. Ф. Волгоград. М.: Стройиздат, 1985.

- ⁸ См.: Петров Н. В. Демократичность регионов России // Брифинг Московского центра Карнеги. 2005. Т. 7, вып. 9. С. 56.
- ⁹ Гайворонский Ю. О. Вызовы централизации и трансформации региональных политических режимов (на примере Волгоградской области) // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10, № 1. С. 294.
- ¹⁰ См.: Итоги работы Волгоградской областной Думы. URL: <http://volgoduma.ru/analitika/itogi-raboty.html> (дата обращения: 21.11.2017).
- ¹¹ Морозов С. И., Порошина Т. В. Коммуникативные технологии легитимации региональных органов исполнительной власти в Волгоградской области // Изв. ТулГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 59.
- ¹² Калинина А. Э., Задорожнева Ю. В. Перспективы реализации инновационного сценария развития Волгоградской области : проблемы, оценка // Вестн. ВолГУ. Сер. 3 : Экономика. Экология. 2012. № 2. С. 30.
- ¹³ Андрей Бочаров : «Единой командой Волгоградской области – только вместе, только вперед». URL: <http://volgoduma.ru/informacziya-press-sluzhby/news/23004-andrey-bocharov-ledinoy-komandoy-volgogradskoy-oblasti-tolko-vmeste-tolko-vpered.html> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁴ См.: Стратегию развития Волгоградской области обсудили на форсайт-сессии. URL: <http://gorvesti.ru/society/strategiyu-razvitiya-volgogradskoy-oblasti-obsudili-na-forsayt-sessii-36987.html> (дата обращения: 23.11.2017).
- ¹⁵ См.: В ВолГУ обсудили актуальные вопросы разработки Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2030 г. URL: <http://volgograd.bezformata.ru/listnews/ekonomicheskogo-razvitiya-volgogradskoj/45577589/> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁶ Стратегия социально-экономического развития Волгограда до 2030 года. URL: <http://www.volgadmin.ru/d/strategy2030/index/49> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁷ См.: Социальный кодекс Волгоградской области существенно подкорректировали. URL: <https://regnum.ru/news/2144343.html> (дата обращения: 24.11.2017).
- ¹⁸ См.: Старт дан : в Волгограде собирают подписи за референдум о переводе времени. URL: <https://regnum.ru/news/2343043.html> (дата обращения: 25.11.2017).
- ¹⁹ Гаврилов С. Д., Морозов С. И. Экологическое направление институционального взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Волгоградской области // Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований : опыт и проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ростов н/Д, 2017. С. 516.
- ²⁰ Панкратов С. А., Шакарбиева С. В. Публичная политическая коммуникация и краудсорсинг : от толпы к публике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 3. С. 332. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-329-333.
- ²¹ Об утверждении Положения о комитете по подготовке и проведению матчей чемпионата мира по футболу 2018 года Волгоградской области : постановление губернатора Волгоградской области от 25 марта 2014 г. № 257. URL: <http://komitet2018.volgograd.ru/about/legal-basis/> (дата обращения: 25.11.2017).

Образец для цитирования:

Панкратов С. А., Гаврилов С. Д. Интеграция институтов публичной политики в Волгоградской области: практики реализации межсекторного взаимодействия // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 76–81. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-76-81.

Cite this article as:

Pankratov S. A., Gavrilov S. D. Integration of Public Policy Institutions in Volgograd Region: Practices of Implementation of Intersector Interaction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 76–81 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-76-81.